КРОКОДИЛ

-- Вы что сегодня, празднуете?
— Да, в рабочем порядке.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ВЕСНА И ТРУД

У нас очень хорошо поставлено производство всякого рода извещающих, предупреждающих и запрещающих объявлений. Массовыми сериями выпускаются воспроизведенные на картоне, стекле или металле краткие изречения о том, что в этот вход входа нет, что ремонт не производится ввиду ремонта и что пешеходные дорожки с обеих сторон огромного железобетонного моста предназначены именно для пешеходов. Но почему-то еще никто не додумался оттиснуть такую табличку:

«Внимание! Идет весна!»

Впрочем, может быть, в ней и нет такой уж острой необходимости. Если мы можем что-нибудь напутать со входами и выходами или принести пылесос для ремонта в мастерскую, которая ремонтируется сама, и вздумаем прокатиться на своем «Москвиче» по пешеходной дорожке, то относительно весны никакой путаницы произойти не может. Как бы ни таилась она, лукавая, но по быстрой капели, по слишком уж оживленному щебету воробьев, по откровенному загару на щеках дворовых ребятишек мы узнаем: идет весна-красна.

Есть у нашей весны и другие, еще более зримые приметы. Она идет к нам в звонкой перекличке земледельцев, прокладывающих первую борозду. Докладывают о ней открывшие навигацию караваны судов с нефтью Каспия. О ее первых ослепительных улыбках рассказывают возвращающиеся из дремучих лесов охотники-промысловики, неся за плечами мягкую, пушистую, искрящуюся валюту.

Это трудовая весна.

В нынешнем году она особенная. Это весна Всесоюзного ленинского коммунистического субботника. 11 апреля на субботник выйдут и стар и млад — все, кто способен держать в руках лопату и выносить с задворок на носилках накопившийся там мусор. Но, впрочем, упоминание о лопате и носилках можно воспринимать и как чисто фигуральное. Многие советские труженики проведут субботник на своих привычных рабочих местах: у домен, станков, на колхозных и совхозных полях, за чертежными досками, в лабораториях и проектных мастерских. А другие пойдут помогать строителям, дорожникам, коммунальникам.

Каждому найдется дело по силам и способностям.

И, конечно, нам — сатирикам, нам — крокодильцам.

В день субботника мы займемся и своим привычным журнальным делом и поработаем с лопатой, носилками, а если потребуется, и с вилами в руках, но в данном случае уже не фигурально, а в прямом смысле слова.

Итак, несмотря на отсутствие соответствующей таблички, мы установили: идет весна!

За работу, друзья! Все на коммунистический субботник!

ДРУЖНАЯ ВЕСНА

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Г. РЫКЛИН

ПРИЩУРЕННЫЙ ГЛАЗ

Сначала несколько слов о том, как костромская учительница Шарапова обидела Феликса Яковлевича Кона.

Это произошло на Пятнадцатом съезде партии. Выступает тов. Шарапова:

— Мы, учителя, готовим партии молодой авангард, который идет на смену своим старшим товарищам, на смену уставшим...

Вскакивает с места седой революционер Феликс Кон. Он обиженно кричит:

— Нет, мы не устали!

Смех в зале. Аплодисменты.

Большевики любят острую, живую реплику, добрую шутку, веселый смех. Загляните в стенограммы наших съездов и конференций. Там то и дело встречаете заключенные в скобках ремарки: «Смех», «Смех в зале».

Смеяться, право, не грешно, если... Если можешь смеяться. Смех говорит о полнокровии, о здоровье. Человек, которого покинул смех, как бы обречен на блуждание в безоазисных песках.

Редактор «Бедноты» В. Карпинский читает Владимиру Ильичу письма, поступившие в газету. Ильич слушает внимательно, порой улыбается, порой смеется. Вот какое-то письмо очень его заинтересовало. Он «переспрашивает и смеется прищуренным глазом».

Смеется прищуренным глазом и над некоторыми оборотами газетной речи. Ленин крепко иронизирует:

«Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык...»

Русский человек любит живую, образную речь. Помнится, на торжественном открытии одной партконференции в тридцатых годах ораторы выступали таким образом:

— Мы приготовили саван для мировой буржуазии! — заявили представители союза швейников.

— Нами оборудован для нее прочный гроб! — добавили деревообделочники.

— Крепкий гвоздь вобьем в крышку гроба! — обещали металлисты.

— Лошади поданы! — декларировали транспортники.— Мигом свезем этот гроб на кладбище истории.

Шестнадцатый съезд нанес крепкий моральный удар по троцкистам, правым буржуазным экономистам, по всем доморощенным и зарубежным пророкам, которые предсказывали крах советских пятилеток, крах индустриализации, крах коллективизации. Кра-кра-кра-крах!

На этом съезде много смеялись. Был смех в зале. И был смех в кулуарах.

В кулуарах я встретил делегата съезда, своего старого приятеля, секретаря крупного окружкома партии на Северном Кавказе.

Говорили о разных делах. И вдруг неожиданно секретарь окружкома громко и раскатисто рассмеялся:

— Чего смеешься?

— Очень смешно. Здорово...

— Да в чем дело?

— Куйбышев сегодня очень смешно рассказал об этом немце... как его... Рейхберг, что ли...

Дело в том, что немецкий промышленник Арнольд Рейхберг выступил со статьей, посвященной нашей первой пятилетке. Он писал, что в Европе, дескать, шестьдесят миллионов избыточного населения, а индустриализация СССР якобы толкает всех их ко дну. Спасайте утопающих! Кто в бога верует, на помощь!

Теперь ничего «мудреного» нет в признании и колхозов и совхозов. Недаром раздался в зале смех, когда товарищ Орджоникидзе произнес:

«Кто найдется теперь, кто мог бы выступить против коллективизации? Ну-ка, пусть попробует».

Сама постановка вопроса против коллективизации уже являлась смехотворной.

Можно ли, надо ли серьезно полемизировать в таких случаях? Давайте лучше смеяться.

Вот, например, ученейший немецкий экономист Кремер. По словам товарища Куйбышева, Кремер выступил с речью о нашей пятилетке.

«Если бы пятилетний план,— сказал сей авторитетный муж,— можно было выполнить в пятьдесят лет, то и тогда это было бы грандиозно. Однако это утопия».

И съезд смеется. Мы все смеемся. Смешны все эти пророчества и предсказания дурной погоды. Они разлетелись, развеялись, как бумажка, разорванная на мелкие кусочки.

Ораторы приводят целую связку дырявых пророчеств, нанизанных на одну и ту же гнилую ниточку. Тут фигурируют и кадет Бруцкус, и меньшевик Далин, и Троцкий, и кое-кто из правых.

Острие нашего смеха больно разит врага. Но мы умеем — и имеем на это право — посмеяться и над головотяпством, бюрократизмом, невежеством и бескультурьем некоторых наших работников. Это здоровый смех здоровой большевистской самокритики.

Вот выдержка из стенограммы речи Ем. Ярославского насчет некоторых «характеристик» при чистке партии:

«Выдержан, политически грамотен. Своего твердого убеждения нет. Выжидает, что скажут другие». (Смех.)

Или такая характеристика:

«Четкая политическая установка, морально здоров, партийную линию проводит, но есть уклоны в сторону кулака и пьет до потери сознания». (Смех.)

Или еще такая характеристика:

«Политически выдержан, идеологически неустойчив». (Смех.)

Из доклада товарища Орджоникидзе:

«Представьте себе, что для того, чтобы снять с папиросной коробки бандероль, надо было несколько раз ставить такой дурацкий вопрос в Совнаркоме. Как, бандероль снять? Этого нигде нет. И в Америке, и во Франции, и в Германии — всюду бандероль, как же у нас без бандероли будет? (Смех.) Сняли бандероль, и ни малейшего вреда для советской власти (смех), за исключением того, что несколько миллионов, которые шли на эту дурацкую бандероль, остались в советской казне и идут на народное хозяйство».

Как было не смеяться рассказу товарища Шверника о том, что в Макеевке работники одной столовой внесли в договор о социалистическом соревновании пункт: «Обязуемся не бить посуду и не плевать в лицо посетителям...»

Мы можем смеяться над такими случайными нелепостями потому, что в великой борьбе мы завоевали право смеяться на весь мир над нашими врагами, над их карканьями и прорицаниями.

И после Шестнадцатого съезда и до сих пор шевелятся еще кое-где за рубежом предсказатели дурной погоды в Советском Союзе.

До сих пор еще кое-где водятся у нас типы, словно бы специально предназначенные для фельетонов и сатирических заметок.

Мы смеемся над теми и над другими. И мы знаем, что вместе с нами смеется великий человек, смеется лукаво прищуренным глазом.

1970
АПРЕЛЬ
22
СРЕДА
1870 — Родился Владимир Ильич ЛЕНИН

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

ЛИФТ

Шел ноябрь 1920 года. Москва, как и вся Россия, мерзла и голодала. Прохожие ненадолго останавливались у расклеенных на стенах домов газет, торопливо пробегали размытые строчки. Среди телеграмм о событиях в только что освобожденном Крыму искали извещения Московского Совета о продовольственных карточках. Прочитав, что «сегодня по талону № 17 вместо четверти фунта хлеба выдается полфунта зерна», сокрушенно качали головой, бежали дальше по обледенелой мостовой. Ветер парусил сырой кумач лозунгов, срывал с прохожих шапки, швырял мусором в заколоченные двери пустых магазинов.

Вот в такую-то пору Клара Цеткин, впервые приехавшая в Москву и целыми днями ходившая по митингам и собраниям, простудилась и слегла. В этом удивительном городе она всегда вставала в пять утра, чтобы всюду поспеть, все увидеть, все в себя впитать. А теперь она лежала в своей комнате на четвертом этаже Дома Советов, куталась в плед, кашляла и отчаянно скучала.

Конечно, у нее были тысячи друзей в Москве, она счастливо улыбалась при одном воспоминании о том, как радостно и дружелюбно встречали ее на собраниях рабочие, особенно женщины. Но эти друзья не могут ее навестить, да они и не знают, что она больна. Правда, есть у нее и личные друзья, в первую очередь Genosse Ленин и его симпатичная супруга Genossin Крупская. С Genosse Лениным она познакомилась еще в 1907 году в Штутгарте, на Всемирном конгрессе II Интернационала. Но, конечно, нельзя рассчитывать, что Ленин, такой занятый в эти трудные дни, навестит больную. Нет, об этом даже нечего и думать.

Клара вздохнула. Ей вспомнилось, как приветливо, точно родную, встретили ее в семье Ленина. Удивительно все-таки, что у советского премьер-министра столь скромная квартирка, крайне непритязательно обставлена. Право же, она видела куда лучше обставленные квартиры немецких рабочих. Чем ее тогда угощали? Чай и черный хлеб с маслом. Правда, сестра Ленина в честь гостьи отправилась на поиски «вкусненького» и разыскала маленькую баночку варенья. А когда вошла в комнату большая кошка, вспрыгнула на колени Ленина и громко замурлыкала под его ласковой рукой, Клара почувствовала себя совсем уютно, точно она дома или у Розы Люксембург, где друзей всегда встречала кошка Мими.

Клара еще раз вздохнула, вдруг почувствовав себя совсем одинокой. Разумеется, ее навещал врач, заглядывали знакомые по Коминтерну, и все же она скучала...

Кто-то постучал в дверь, и простуженным голосом она сказала: «Bitte!»

Дверь открылась, и вошел человек, которого она меньше всего ждала, но которому обрадовалась больше, чем кому бы то ни было.

— Здравствуйте, дорогая Клара! Лежите, лежите, ни в коем случае не вставайте. Мы с Надюшей узнали, что вы заболели, и решили вас навестить.

Тут Клара заметила и приветливо улыбающуюся Надежду Константиновну. Все-таки она была смущена: надо как следует принять гостей, а ей даже не дают встать.

Тем временем гости разделись, и Владимир Ильич, придвинув стул, принялся самым заботливым образом расспрашивать больную.

— Врач был? Хорошо. Предписания его выполняете? И лекарства пьете? Ну-с, а питаетесь как? Великолепно? Гм... А чувствуете себя как? Великолепно? Вам удобно здесь, милая Клара? Даже великолепно? Нет, милая Клара, позвольте мне все-таки усомниться. Заметили вы, на каком этаже живете? Правильно, на четвертом. А лифт не действует! — Он откинулся на спинку стула, и в глазах его блеснул лукавый огонек.— Бездействующий лифт — это черт знает что! Фактически он есть, а практически он не функционирует! И знаете, что это мне напоминает? Любовь и стремление к революции у сторонников Каутского: точь-в-точь, как ваш лифт,— на словах есть, а практически не функционирует.— И он рассмеялся своим чудесным, искренним, заразительным смехом.

Долго еще просидели у Клары Цеткин Владимир Ильич и Надежда Константиновна, о многом говорили и ушли, когда совсем уже стемнело.

Через несколько дней Клара Цеткин оправилась от простуды и вновь окунулась в кипучую, деятельную и не всегда понятную ей жизнь столицы первого в мире социалистического государства. Но каждый раз, возвращаясь домой и поднимаясь на четвертый этаж мимо застывшего лифта, она качала головой и улыбалась, вспоминая язвительную, но такую меткую шутку Genosse Ленина.

СКУЛЬПТУРА СВЫШЕ НАМ ДАНА

Два года назад Марковский сельсовет Кировской области сделал Харьковской скульптурной фабрике заказ на изготовление памятника погибшим землякам — «Клятва солдата». И вот в конце прошлого года скульптура из Харькова поступила. Каково же было изумление председателя сельсовета Н. Кочкина, когда вместо солдата он обнаружил скульптурное изображение Леси Украинки.

— Как же ты к нам, милая, попала? — в растерянности развел он руками.

На это один из знатоков украинской литературы высказал догадку:

— А у Леси Украинки есть этюд, где сказано: «Ничего не поделаешь, это ведь послано свыше». Это она имела в виду, наверное, руководителей фабрики...

По-видимому, у них подход к произведениям искусства простой — в тоннах. Лишь бы по весу сошлось, а где солдат, где поэт, неважно. Что ж до Марковского сельсовета, то он получил назад свои триста рублей и остался в недоумении.

М. АРДАШЕВ

г. Киров.

И снова весна... Всесоюзная здравница — Крым готовится к курортному сезону. Особое внимание будет уделено детям: в дни летних каникул в домах отдыха и пионерлагерях Крыма отдохнут десятки тысяч школьников.

Тепло встретят ребятишек и торговые организации. НА СНИМКЕ: Март. В симферопольский универмаг привезли очередную партию товаров. Только что прибыли три грузовика с детскими санками.

Фото В. РОЗЕНКО.

Хочешь кирпич?

Аркадий Райкин изображает одного директора столовой, который придумал универсальный способ обслуживания посетителей:

— Хочешь суп? Вари суп.

— Хочешь кашу? Вари кашу.

Эта идея так понравилась директорам Кувасайского и Ленинского кирпичных заводов Министерства промстройматериалов Узбекской ССР тт. Нуралиеву и Салахутдинову, что они решили перенести опыт заведующего столовой и на кирпичное производство. Не верите? Вот подлинный документ.

«РУКОВОДИТЕЛЮ ОРГАНИЗАЦИИ ПМК-I ТРЕСТА ФЕРГАНАВОДСТРОЙ товарищу АЗИМОВУ

Ленинский завод стройматериалов ставит в известность в том, что с первого августа 1969 года фондодержатели для получения жженого кирпича должны выделять рабочую силу для выработки кирпича в течение месяца из расчета 15,0 тыс. штук кирпича на одного человека...

Директор Ленинского завода стройматериалов САЛАХУТДИНОВ».

Все ясно. Теперь этот прогрессивный метод работы следует как можно скорей распространить и на другие отрасли промышленности. Например, захотят некоторые директора заводов получить мебель для своих кабинетов, а им и ответят из мебельного комбината:

«Для получения конторских кресел должна быть выделена директорская сила для выработки деревянных ножек из расчета по 64 ножки на одного директора в течение месяца».

И так далее.

И работа закипит.

М. БОРИСОВ

Дорогой Крокодил!

Купив аккорд семиструнной гитары, я обнаружил в нем шесть струн. Причем, струн третьей и четвертой вообще не было, но зато пятых струн было две.

Теперь у меня дома скопилось большое количество басовых струн, в связи с чем прошу тебя передать мою признательность люберецкой фабрике пианино «Родина» за то, что она обеспечивает меня никогда не выходящими из строя басовыми струнами да еще в неограниченном количестве. Быть может, фабрика думает, что их можно как-то приспособить в домашнем хозяйстве? Тогда пусть откроет секрет.

Д. ГОРБАЧЕВ

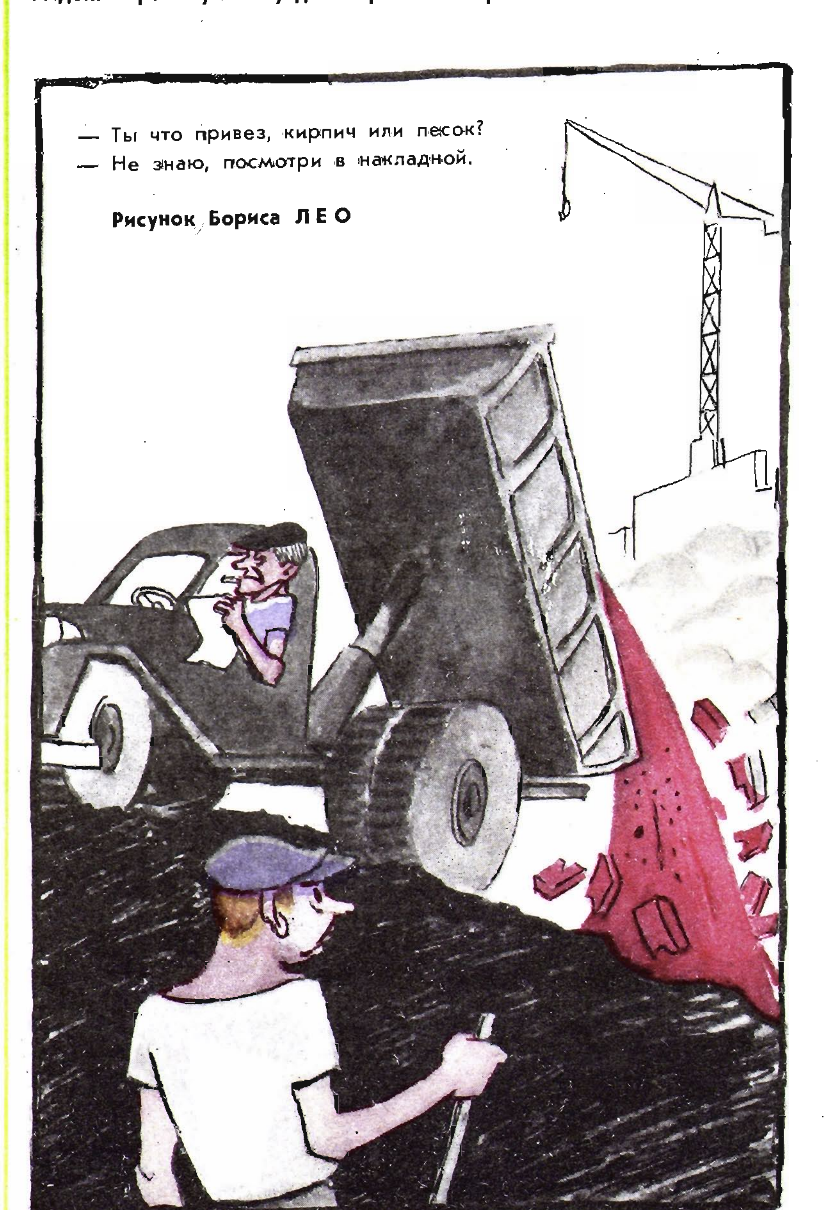
г. Москва.

Жителям Новолесной улицы в Москве есть чем гордиться. Под оннами счастливых обитателей многоэтажек находится редкостная городская достопримечательность — топливный склад. Кроме того, что ветхий забор и штабеля дров отлично вписываются в городской пейзаж и прекрасно гармонируют с архитектурным модерном, пронзительный вой электропилы приятно услаждает слух нескольких сотен жителей новых домов.

А. ПЯТКОВСКАЯ

— Ты что привез, кирпич или песок?

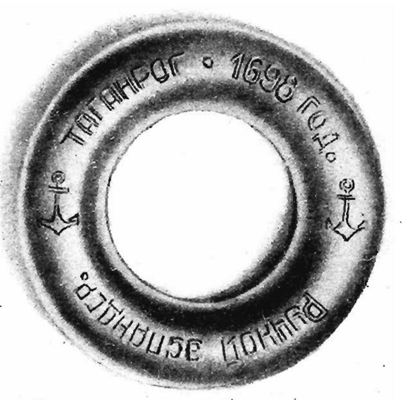
— Не знаю, посмотри в накладной.

Рисунок Бориса ЛЕО

УПРЕК ТРЕНЕРАМ

Дорогой Крокодил!

Посылаю тебе уникальный снимок эспандера Петра I, благодаря которому последний московский царь и первый всероссийский император приобрел свою сказочную силу и впоследствии мог свободно гнуть подковы.

В год изготовления эспандера основателю Санкт-Петербурга шел двадцать седьмой год, то есть он пребывал в том печальном возрасте, который тренеры называют бесперспективным и «стариковским». О, как они неправы, наши тренеры! И эспандер Петра Великого объективно доказывает это.

Слава ЛЕШЕНКО, ученик 9-го класса

г. Сызрань.

P. S. Поскольку я купил этот редчайший эспандер просто в магазине, то прошу тебя помочь мне переправить его в какой-нибудь солидный музей. Ну, скажем, в краеведческий музей города Таганрога.

— Сам товарищ Пупсиков обещал сделать первый удар по мячу с центра поля!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Николай ГРИБАЧЕВ

Мини-дела

(Шутка).

На девок где-то наглядевшись сдуру,
Лиса носить решила мини-шкуру.
Задумано — так сделано. И вот
Дивится по лесам лесной народ,
Что хоть и ноги кривоваты вроде
И вид кургуз, так что из ряда вон,
А все ж таки не как-нибудь, по моде —
Шик!
Шарм!
Фасон!

— Ах,— ноет Барсучиха,— ах, кума,
Какое достижение культуры!
А мы, как неотесанные дуры,
Гнием в глуши —
ни вкуса, ни ума.
Зависли мы, голубушка, отстали.
Пусть кровью изойду,
пускай помру,
а шкуру лишнюю
сдеру
назло Лисе
до самой талии!
— Ах-ах!
— Ох-ох!
Зайчихи сбились с ног,
Несутся к скорнякам для переделки.
И даже белки,
даже
полевые мыши
обрезать шкурки
норовят
повыше.

И на Топтыгина ворчит супруга:
— Мужик ты! Соня! Лапотник! Медведь!
Вон у других так и со шкурой туго,
А носят
только четверть или треть.
Хочу худеть!
Хочу бледнеть!
Хочу все модное иметь!
Здоровьем поступлюсь и кожей,
Чтоб стать
на Стрекозу
похожей!..

Мораль!
Ох, обойдемся без морали,
Пока
и нам
штаны не обкорнали!

Ян ПОЛИЩУК, специальный корреспондент Крокодила

Газетный аксакал скользнул ладонью вдоль бритого подбородка и начал:

— Не всегда говори то, что знаешь, но всегда знай, что говоришь... Вы просите экзотики? Вот вам сюжет — сколь романтический, столь и назидательный.

...И когда настал положенный час, бригадир колхоза имени Куйбышева Базар Розыев потребовал к себе дочь Мержен.

— Дитя мое! Повесь уши внимания на крюк повиновения. Льстивые поэты из Дворца культуры утверждают, что стан твой гибок, как тополь, а глаза горят, словно созвездие Девы... Пусть так. Я не поэт, я просто рачительный бригадир колхоза имени Куйбышева, и я скажу: тополь и глаза — это меновая стоимость. Не этому ли учили вас на уроках обществоведения? Так поменяем их на калым нашего сородича Клыча Жумаева.

— О, переполненный пережитками отец! Да будет тебе ведомо: на уроках литературы нас учили тому, что на свете есть любовь...

— Веселый разговор! Повесь уши внимания, пока я их тебе не надрал. И выкинь из головы солдата Деврана, у которого нет ни зеркального шкафа, ни золотой челюсти. Прошу тебя, кликнем клич — приедет Клыч!

Кликнули клич — приехал Клыч. Приволок свадебный взнос: 8 ящиков водки, 4 мешка муки, одного маломощного быка и 6 халатов, подбитых хан-атласом.

— Держи карман шире, о достойный из бригадиров колхоза имени Куйбышева! — подобострастно прошепелявил он.— Но почему я не вижу Мержен, чей стан гибок, как тополь, а глаза?.. Где эта прекрасная негодница?

Достойный из бригадиров Базар Розыев бросился в дом — перед ним растерянно хлопал створками гардероб, в котором отсутствовали все женские платья 48-го размера. Достойный Базар Розыев кинулся во двор—в нос ему ударили крутые запахи высокооктанного бензина. Вдали джигитовал на новеньком ИЖе солдат Девран. А с багажника слала воздушные поцелуи в сторону родного дома негодница Мержен.

— О горе мне! — с жаром сказал бригадир, косяя глазом на несостоявшегося жениха.— Придется упаковывать халаты назад.

...Какой непримиримый конфликт между дряхлым адатом и находчивой современностью! Какой парадоксальный антураж — калымный бык и мотоцикл! Какой чудный ориентальный хеппи-энд!

Но оказалось, что хеппи здесь, пожалуй, есть, а вот до энда еще далеко.

Конечно, над неудачливым женихом смеялся весь аул. Посмеивались в бороды чайханные старики. Хихикали подружки Мержен. Позволил себе хмыкнуть даже председатель колхоза Айдогды Керимов, когда бригадир явился в правление, чтобы уплатить партвзносы.

— Ну что, брат, не прошел ваш адат?

— Зачем адат? — со вздохом сказал бригадир.— Все согласно красивым чувствам, как учат наших детей на уроках литературы. И я пришел пригласить вас на той.

— На какой такой той?

— Полукомсомольский. Ведь моя дочь пока еще не союзная молодежь.

— А жених? — с подозрением спросил председатель.

— Жених, извините, совсем не союзный и вовсе не молодежь. Да ведь вы его знаете — Клыч Жумаев из Чарджоуского района.

— Неужели догнали? — ахнул председатель.

— Зачем ждать милостей от аллаха? Взять их у него — наша задача... У меня же есть запасная дочь Мамажан.

— Подожди,— удивился председатель.— Она же учится в школе.

— Лучшая школа — это семейная жизнь, председатель.

— Ну и ловкач! Быть тебе заведующим сельмагом!

— Как скажешь, председатель,— покладисто сказал бригадир.— Так придете?

— Приду, бригадир, приду...

И был той. И гости, цокая языками, беспечно опустошали 8 ящиков, заедали бывшим быком и, конкурируя в учтивости, расхваливали халаты. Отец невесты бродил от стола к столу, прощупывая в кармане калымный аванс.

Председатель колхоза и почетные гости из района, по-падишахски подогнув ноги, сидели за дастарханом. На востоке не принято задавать вопросы хозяину. Поэтому они со слабым соболезнованием поглядывали на юную школьницу, заменившую сестру на посту невесты. И ни у кого не хватило духу упрекнуть рачительного бригадира в том, что он сумел превратить тополиный стан своей дочери в меновую стоимость. Но неужели все-таки никто так и не грянул в набат по поводу адата? Не возвысил свой голос в защиту оскорбленной чести?

— Пфа! — саркастически фыркнул аксакал.— Конечно, кое-кому немножко дали по хребту. Но ведь не станешь жечь ковер из-за одной блохи... Лучше прочти эти строки и обрати свой взор в другую сторону.

И я читаю строки из решения недавно состоявшегося Пленума ЦК Компартии Туркменистана: «Не ведут решительной борьбы против проявлений феодально-байского отношения к женщине в Мургабском, Чарджоуском, Теджeнском районах...» Я читаю эти строки и вспоминаю, что мои коллеги из журнала «Токмак» установили, что именно в Теджeнском оазисе под давлением матримониальных причин бросили школу десятки учениц. Я вспоминаю, что именно здесь журналисты обнаружили 25 случаев насильственного умыкания и выдачи замуж несовершеннолетних девушек. Я вспоминаю, что после этого прокурор Теджeнского района Дурды Моллаев быстренько включился в антипережиточную кампанию и, по-видимому, уже накопил крупный опыт.

Я поспешил в Теджен. Дурды Моллаев встретил меня длинной речью, из которой следовало, что труженики села заняли ведущее место по сбору хлопка и вот-вот пересекут новые рубежи.

Я почтительно снял шляпу в честь сельских тружеников, а затем стал допытываться, как обстоят дела с пережитками.

— Хорошо,— сказал прокурор,— хорошо обстоят дела с пережитками.— И он произнес еще более длинную речь, из которой следовало, что вопреки мнению пленума местное око закона не дремлет, а карающая рука тут же пресекает.

— Вы просите фактов? Раскроем папки... Вот примерно какую профилактическую работу я провел с таким порочным человеком, как Чары Бердиев. Этот порочный человек умыкнул из одного села непорочную девушку Горагыз. И я пришел к Бердиеву и официально сказал: «Твоя избранница — подрастающее поколение. Подожди, пока она станет поколением, а до той поры не женись!»

— Это было уже после отъезда журналистов?

— Ха! Какое имеет значение?! Командированный человек должен знать: день приезда, день отъезда — один день... Так вот, я сказал: «Не женись, порочный человек!..»

— И отвезли девушку к родителям? — дилетантски спросил я.

— Это не моя функция,— отмахнулся прокурор.— Порочный человек Бердиев покорно сказал: «Пусть подрастающее поколение подрастает в моем доме». Я опять сказал: «Не женись!» — и уехал на совещание.

— И все утряслось?

— Конечно. Подвели итоги борьбы, наметили новые рубежи...

— Ну, а Бердиев?

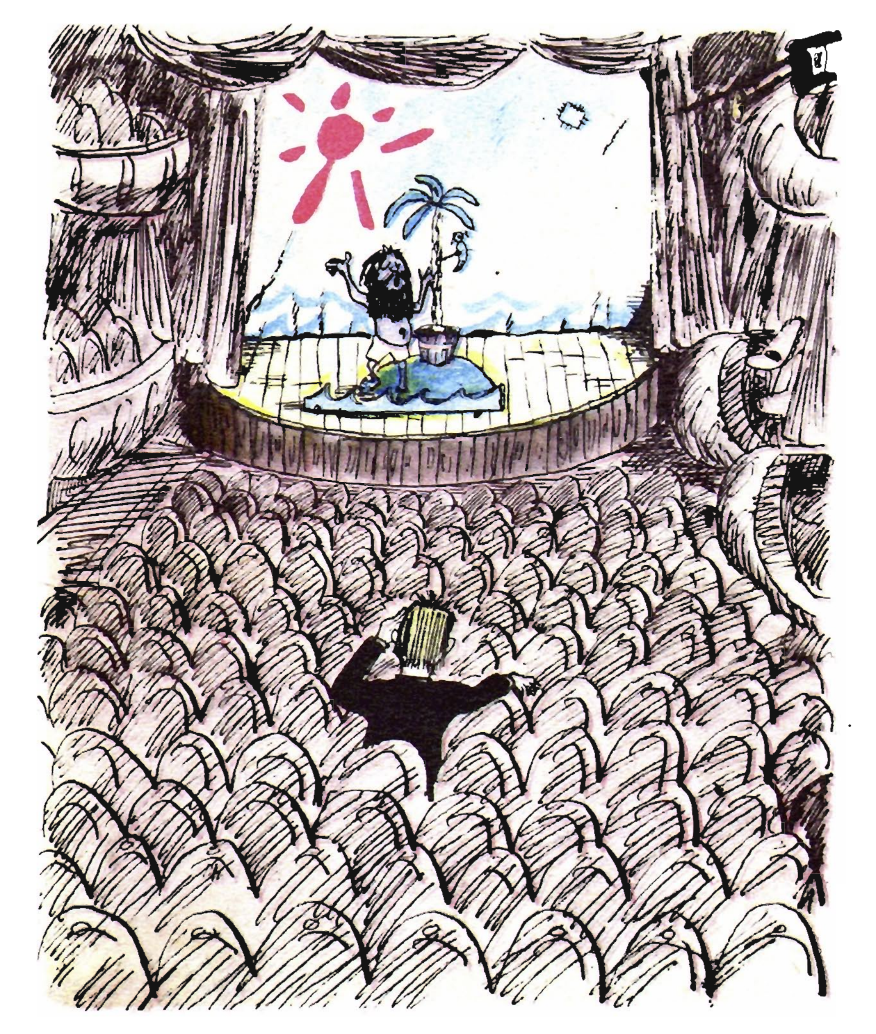
— Ах, Бердиев? — Прокурор застенчиво опустил глаза.— Бердиев оказался не только порочным, но и непонятливым. Едва я хлопнул дверцей машины, как он побежал в райунивермаг за детской люлькой... Ну, как, будем еще делиться опытом?

Нет, с меня было достаточно. Во время усвоения этого опыта я пытался только понять, откуда такая непривычная стеснительность у прокурора. Может быть, он рвется в ряды великих гуманистов? Эразм Роттердамский, Махтум-Кули и Дурды Моллаев — звучит, а?.. Но похоже, что при такой застенчивости район очень скоро займет первое место не только по хлопку. И не о таких ли представителях прокурорской профессии сказано: «Пустившись в драку, не наделяй халвой»...

Однако Дурды Моллаев был подкован по части фольклора не меньше моего. Он интеллигентно прищурил глаза и отпарировал в таком духе:

— А это вы знаете: «Если в своем доме станешь лишний, то как найдешь место у других»?

Туркменская ССР.

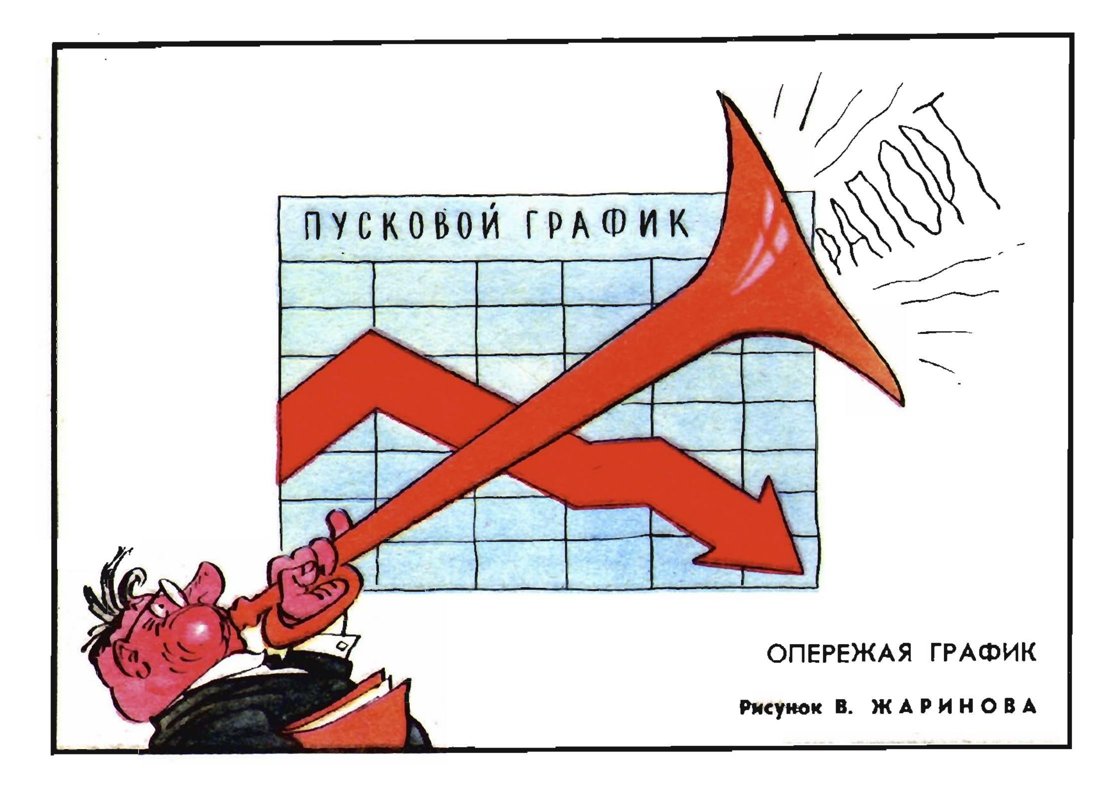

Зритель:—Ах, как близки мне его страдания!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Итак, кого премировать, мы решили. Теперь надо решить: за что?

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ОПЕРЕЖАЯ ГРАФИК

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

МЕРА АКТИВНОСТИ

Я гляжу, старички нынче пошли активные. В хорошем смысле этого слова. Они не замыкаются в четырех телевизионных каналах, не ограничиваются чаем с вишневым вареньем. А несут общественно полезные нагрузки.

Вот конкретное лицо — Арефьев Александр Алексеевич. В прошлом мастер Томилинского завода полупроводниковых приборов. Отмахал семь десятков, а по-прежнему всюду поспевает. Он и председатель товарищеского суда и рабкор «Люберецкой правды».

Короче говоря, ветеран, которому полностью сочувствует общественность. А также на пятьдесят процентов — администрация завода.

Об этом-то и пойдет речь. Насчет оставшихся пятидесяти процентов. Во что они вылились и по какой причине.

Тут все запутал, можно сказать, сам старичок.

Был бы Арефьев только председателем товарищеского суда, никто бы и не пикнул. Пожалуйста, пусть суетится. Если ему ног не жалко.

Но Александру Алексеевичу одной нагрузки мало. Председательской суеты на весь пенсионерский день ему не хватает. Недостаточно она его изматывает. Пошел он на станцию, сел в электричку и проехал две остановки. До Люберцев. И достиг редакции «Люберецкой правды».

А там ему, конечно, рады. Посадили на стул. Все-таки не с пустыми руками пришел. С рукописным материалом. И с тремя документами, подтверждающими материал.

Первый документ — докладная. Техник ЖКО Тырченко в лаконичном стиле извещает руководство завода: «Довожу до Вашего сведения о том, что Федоров В. П. 7 января в присутствии кладовщицы Петровой Г. К. обозвал меня нехорошим словом».

Прочитали в редакции докладную и удивились. С чего бы Федорову В. П., инженеру ЖКО, потерять контроль над собой? Ну ладно, обозвал нехорошим словом. Это не странно. Это бывает. Странно, что при свидетеле. Тут у него явная потеря бдительности. По неизвестной пока причине.

И тогда Арефьев зачитывает вслух, словно на заседании товарищеского суда, остальные документы. И картина с Федоровым проясняется.

Оказывается, 7 января он пришел на работу пьяным и сразу же потерял над собой контроль. Заперся в чужом кабинете, щелкнул выключателем и на оклики сослуживцев не отвечал. Сослуживцы взломали замок и тоже щелкнули выключателем. Инженер улыбался. Как сказано в акте, цинично. Оказал сопротивление. И произносил нехорошие слова. Одно из которых, как я уже говорил, справедливо взволновало техника Тырченко.

Выслушали сотрудники редакции Арефьева и возмутились. А он — дальше. Дескать, так и так, виновата администрация завода. Она плохо борется с нарушителями трудовой дисциплины. Она позволила Федорову уволиться по собственному желанию. А не по сорок седьмой статье. По одной из ее букв.

Тут районные журналисты совсем накалились. Мы, говорят, этого дела не оставим. Идите, говорят, Александр Алексеевич, и спокойно несите свои общественные нагрузки. И в дальнейшем милости просим. Вы, говорят, для нас желанный друг. Одним словом, рабкор.

И вот через недельку заявляется Арефьев в заводоуправление.

А навстречу ему — заместитель директора по кадрам Петрусев. Зазывает ветерана в кабинет и демонстрирует ему свои голосовые данные. Но затем смягчается и говорит с ним более вежливо. Дескать, когда вы знаете меру своей активности и не трогаете нас, мы вас тоже не трогаем. Но поскольку вы нас чувствительно задели, среди бела дня подарив печати порочащие завод факты, мы не можем удержаться от искушения чего-нибудь сделать и для вас. Жаль, что вы пенсионер: вас не уволишь, не объявишь вам выговор. Но вы имеете пропуск на завод, которым пользуетесь как председатель товарищеского суда. И, к великому счастью, в наших силах изъять его.

И изымает у Арефьева пропуск. И тем самым частично пресекает его активность.

Теперь Александр Алексеевич сидит дома. Пьет чай с вишневым вареньем. И по одному из телевизионных каналов смотрит передачу об активности Солнца.

И завидует светилу. На него не давит заводская администрация. Оно проявляет активность в любых дозах, не страшась пресечения.

пос. Томилино
Московской области.

Сапропель

«Сапропель» — нерусское слово, по-нашему оно означает «озерный ил» и к рассказу никакого отношения не имеет. Вы спросите: тогда почему такое название? Так ведь назови я свой рассказ каким-нибудь русским, понятным названием, вы, дорогой читатель, может быть, его и читать-то не станете. А тут название интригующее, не наше... Уж поверьте мне, я эту любовь ко всему ненашему ох как знаю! Даже сам через нее пострадал. А получилось вот как.

Был у нас шкаф. Обыкновенный, как все шкафы. Но тут недавно соседка купила себе какое-то заграничное чудо: полированное, с зеркалом, под общим названием шифоньер. Ну, и надо думать, затащила мою жену, чтобы похвастаться.

Я этот шифоньер тоже видел. Ничего шифоньерчик. Блестит, как самовар, и зеркала не надо. Только посмотришь на него, и сразу видно, что не наши делали. Низок, узок. Ничего не влезает.

Но жене моей этот шифоньер в душу запал. Попробовал я ее образумить, так она мне говорит: «Ты меня не любишь. Я,— говорит,— к маме от тебя уйду».

Короче, стал я охотиться за этим «иностранцем». Хожу по магазинам и вижу странную картину. Мебели в магазине — до лешего, но никто ее не берет, все иностранной дожидаются. Стал и я выжидать. Кого ни спрошу, никто не знает, когда и что. Потом один человек поделился: «Ждите! На днях будет».

И точно. Дня через три привезли. Едва с машины сгрузили, как все, словно настеганные, кинулись с шумом хватать стулья, диваны, шкафы и прочие такие предметы. Ну и я, зараженный пиратским настроением толпы, бросился на приглянувшийся шкаф и закричал счастливым голосом:

— Мой! Беру!

Но вдруг с другой стороны, из-за шкафа, голос:

— Кукиш! Моя шифоньерка!

И выглядывает такая лысая головища, что я чуть не сел от изумления. Нигде я таких лысых не видел, даже в кино.

— Но позвольте, я же в некотором роде первый схватил! — говорю я.

— Первый схватил — первый и отпустишь! — насупился лысый и потянул руку из кармана. А в ней нож.

Я как нож увидел, так в глазах сразу стало темно, словно в подъезде. Хотел было отступить, да уже некуда: сзади меня кто-то софу поставил.

— Ну, зачем же так-то?

Но не успел я и рта закрыть, как нож, зажатый в чудовищном кулаке величиной с тамбовский окорок, описал блестящую дугу, и свежая царапина забелела на полировке шкафа.

— Вот так вот! — жестко сказал лысый, пряча нож.— Моя шифоньерка! Что хочу, то и делаю!

Жене я ничего не сказал. Но решимость доказать, что и мягкотелый интеллигент на что-то способен, заставила меня на следующее утро взять кухонный нож.

У магазина уже толпились покупатели. Из всех лишь я один был спокоен и невозмутим. Лезвие ножа приятно холодило кожу. Я ждал своего часа.

Наконец, когда все ворвались в магазин и вцепились кто во что, стал выбирать шифоньер и я.

Вскоре я облюбовал один, стоящий в стороне. Пенсне и каракулевый воротник моего соперника, стоявшего там, выдавали интеллигентного человека: такой шум поднимать не станет. Отдаст сразу, решил я.

Спокойно подойдя к избраннику, я занял свое место с другой стороны шкафа и жестом хозяина похлопал шкаф по боку.

— Не пачкайте! — зашипел интеллигент.— Не видите, я покупаю!

— Не вижу! — сказал я, с шиком выхватывая из кармана нож.— Вот я покупаю!

И, заранее предвкушая эффект, провел царапину.

То, что последовало за этим, едва не повергло меня в шок. Порывшись в боковом кармане, интеллигент извлек старую, в выщербинах бритву, а затем, снисходительно улыбаясь, с хрустом провел лезвием по полировке.

— Что вы делаете? — завопил я.— Зачем вы портите чужую вещь?!

— Разве? — ехидно осведомился мой противник, делая новую царапину.— Мне казалось, что шкафчик мой! Взгляните, вы сделали одну царапину, а я две.

Ну нет! Дудки! Не тот я человек, чтобы дважды в дураках оставаться.

— Где это вы видели одну царапину? — спросил я, проведя две новых.

— Ах, так! — прошептал противник, гася улыбку, как окурок. И его бритва стала выделывать страшные движения, сопровождаемые хрустом и треском.

Вокруг стали собираться любопытные. Кто-то восхищенно произнес: «Психи!»

Но мне было не до них. Я старался, выскабливая полированную стенку. Минут десять борьба шла с переменным успехом, но скоро я почувствовал, что мой интеллигент начал уставать. Еще чуть-чуть, и...

«Дзинь-нь-нь-ь-ь» — лопнуло зеркало.

Негромко и печально это было, но именно тем и решился исход борьбы. Противник мой сразу обмяк и, вытирая пот со лба, с грустью проговорил:

— Да, ваша взяла!

— Шифоньер ваш! — улыбаясь, поздравил меня продавец, протягивая чек.— Платите двести пятьдесят рублей семьдесят копеек и забирайте...

«ГДЕ НАША НЕ ПРОПАДАЛА!»

Скользкая тема

Не знаю, как остальные, а я лично телевизор люблю. С ним не соскучишься. Особенно в последнее время.

Вот в понедельник показывали состязания скороходов. Отличное зрелище! Тем более, что каждый на коньках. Ведь не по травке бегут люди — по льду.

Во вторник — состязания фигуристов. Глаз не оторвешь. Ноги, коньки, лед.

Среда. Те же ноги, те же коньки, тот же лед. И фигуристы те же. Показательные выступления.

В четверг хотел передохнуть. Хватит, думаю, коньков. Балет посмотрю. Показали. На льду.

Цирка давно не видел. Пожалуйста, в пятницу вечером по первой программе. Конечно, цирк — на льду. Даже медведям привязали коньки. Потом оказалось, что это артисты.

В субботу снова лед. Крупным планом. Потому как выпустили на него шайбу.

Да что там шайбу! Музыкантов на лед выталкивают, певцов-солистов. Поет популярнейший артист:

— От-во-ри-и-и потихо-о-о-ньку калитку...

А телеоператоры, опытный народ, его только до пояса показывают. В первый раз человек на коньках, коленки дрожат.

«На огонек» недавно передавали. Любимица-дикторша одарила улыбкой:

— Сейчас, дорогие телезрители, мы вам покажем «Кафе на льду».

И ведь показали. Кипящий самовар на коньках пронесли. Вот она, могучая сила телеискусства!

Уж на что теплой души человек председатель клуба кинопутешественников, и тот перестал о жарких странах рассказывать. Больше о Ледовитом океане.

Ой, холодно!..

«СНЕГУРОЧКА»

Призвание

Если есть деньги, можно пойти в ресторан. Там тепло и чисто.

Мы сидели с Катей в ресторане. Катя — моя жена. Мы недавно поженились.

— Ты меня любишь? — спросил я.

— Конечно,— ответила она и поглядела по сторонам.

Вокруг были пальмы в кадках, золотые рыбки в бассейне, музыканты из оркестра. Не было официанта.

— Официантов не хватает,— сказал метрдотель в черном фраке,— придется подождать.

— Я есть хочу,— сказала Катя.

— Так официантов нет...— сказал я.

— А ты меня любишь? — спросила она.

— Я тебя очень люблю,— ответил я.

— Тогда пойди сам принеси.

И я побежал на кухню. Одна нога здесь, другая — там.

— Салат из огурцов — два раза, бифштекс с яйцом — два раза, бутылку минеральной воды,— сказал я в окошко.

Мне кинули тарелки, и я побежал обратно.

— Кушай на здоровье.

— Э, дорогой! — закричали с соседнего столика.— Эта девушка пришла позже нас, а уже ест.

— Это моя жена.

— Какая у тебя красивая жена,— пощелкали языком четверо мужчин с орлиными носами.— Но и нас обслужи, пожалуйста.

Когда меня просят по-хорошему, не могу я отказать. Все сделаю.

— Послушай, дорогой,— сказал один,— мы хотим цыплят-табака. Возьми молодого цыпленка, понимаешь, положи много сливочного масла, понимаешь...

— Все сделаю, не волнуйтесь,— пообещал я.

По дороге меня остановил метрдотель.

— Ну вот и молодец. Поднос неси в одной руке, пальцы растопырь, мизинец вверх. Вот так вот.

Он достал белый платочек и положил мне в нагрудный карман.

— Не сморкайся,— попросил он,— это для красоты.

Он еще раз осмотрел меня, похлопал по-отечески.

— Ну иди, клиенты ждут.

Забегался я. То на кухню, то в зал. Голова немного кружится. Подносы все-таки тяжелые. Но зато интересно, все время среди живых людей. У каждого свои привычки. Кто бульон ест, кто фрикадельки. У каждого свой характер. Кто водку любит, кто коньяк.

— С вами рассчитаться? — спрашиваю у женщины со светлыми волосами.

— У меня денег нет,— говорит она и улыбается.

— Зачем же вы без денег в ресторан ходите? — спрашиваю.

— Ах, Витя,— говорит она,— хватит шутить.

Это, оказывается, жена моя, Катя.

— А я не шучу,— говорю.— Салат из огурцов — два раза, бифштекс с яйцом — два раза, бутылка минеральной воды, хлеб. Три рубля пятьдесят копеек.

— Я тебе завтра отдам,— говорит она,—а сейчас домой пойдем.

— Не могу я. У меня клиенты сидят, могут разбежаться.

— Оставайся,— говорит метрдотель в черном фраке,— ты способный. Такие нам нужны.

Оркестр заиграл мелодию: «Каждый человек нам интересен, каждый человек нам дорог».

«ОФИЦИАНТ»

Наметанный глаз

Хотите, верьте, хотите — нет, но я, например, сразу вижу человека насквозь. И могу раскусить его с первого взгляда. Правда, бывает, что немного ошибешься. Что-нибудь не угадаешь или перепутаешь, но в целом первое впечатление бывает самое верное. Даже удивительно, почему так получается.

Интересный случай произошел со мной совсем недавно. Отдыхал я на пляже. Все меня радовало. И море и атмосферные условия. Не хватало только собеседника. Не с кем было поделиться то и дело возникающими интересными мыслями.

Но тут я замечаю недалеко от себя загорающего гражданина. Вокруг него разложены разные вещи: газета, очки, тапочки, русско-испанский словарь, бутылка минеральной и журнал «Молекулярная биология». Про журнал могу сказать точно, что я такого никогда не видел и уж, разумеется, не читал.

Я сразу почувствовал, что товарищ этот должен быть основательно начитан, что он, вероятно, выдающийся человек и всякие разговоры с ним могут оказаться интересными.

Я подхожу к нему и начинаю непринужденную беседу:

— Не сыграть ли нам,— говорю,— ради развлечения, конечно, в крестики-нолики?

Некоторое время он думает, что-то про себя соображает, а потом говорит:

— Наверное, вы правы. Отдыхать так отдыхать. Давайте сыграем.

И сразу же садится на свой журнал «Молекулярная биология». Мы сыграли двадцать шесть раз, и он, ни разу не выиграв, пошел купаться.

«Узкий специалист,— подумал я про него.— Эрудированный человек столько раз подряд проиграть не может. Частично, значит, ошибся в человеке. Редкий со мной случай».

На следующий день я нырял. Прыгал с камня вниз головой. Удивительно приятно. Но один раз прыгнул неудачно. Трахнулся о дно. Вылез на поверхность с уже готовой шишкой на голове. Вообще, это ерунда. Такое со мной случалось. Это проходит. Хотя первое время муторно. Жить не хочется. Но благодаря этому случаю я лучше узнал своего вчерашнего собеседника. Он брызгал на меня минеральной из бутылки, пятачок приложил, приглашал вечером в гостиницу за какими-то таблетками. Советовал что-то, но что именно — не помню. Потом вывел на дорогу и показал, в какую сторону надо идти.

Иду и думаю:

«Давно я так не ошибался в человеке».

И мне из-за этого перед самим собой неудобно сделалось. Надо же ни с того ни с сего подумать о самом обыкновенном гражданине, что это выдающаяся личность, начитан и прочее. А он, оказывается, самый средненький. Пятачками лечит. Это в наш-то век!

В следующий раз мы встретились на почте. Я телеграмму сочинял. Буквально взмок. Хотя к этому времени уже похолодало. Нет, по-моему, хуже занятия, чем сочинять телеграмму. Мысль нужно выразить точно и чтоб без лишних слов.

Подходит он ко мне и спрашивает, как я себя чувствую и нет ли у меня головокружений.

— Головокружений,— говорю,— нет, но вообще голова кругом идет! Не знаю как сформулировать жене мысль про десятку, которая нужна мне ну просто крайне. На витамины.— Последнее я, естественно, в шутку сказал, и вдруг он мне взаймы предлагает.

«Ну,— думаю,— да ты, оказывается, совсем того! И мыслишь с перебоями».

И мне смешно сделалось, когда я про свои первые впечатления об этом гражданине вспомнил.

Деньги у него, конечно, взял. Но сейчас не об этом.

В день отъезда покидал я в чемодан свои вещички, белье, сувениры и прочее. Замки запер, чехол застегнул и стою в замешательстве. Тащить чемодан не хочется. Ну просто жуть.

«Пускай,— думаю,— он донесет. Ему удовольствие, и мне хорошо».

Пришел в гостиницу. Захожу в номер. Он сидит за столом серьезный и что-то пишет. Про молекулярную жизнь, наверное.

— Привет,— говорю,— бросай пустяками заниматься. Дело есть. Надо чемодан к вокзалу поднести. Уезжаю я.

...Как очутился на улице, не помню. Только помню, что, выходя из номера, не успел дверь открыть. А потом не мог разменять гривенник на пятачки. А мне один нужен был обязательно. На лоб. Лучше два. Но вообще это ерунда. Такое со мной случалось. Это проходит. Но зато я успокоился. Все верно. Глаз у меня наметанный. Насквозь людей вижу. Ведь я сразу подумал, что он человек необыкновенный. Личность, безусловно, выдающаяся. Так оно в конечном счете и оказалось.

«Ив. КОПЫТИН»

НА ЗНАКОМЫЕ МОТИВЫ

Рисунки М. БИТНОГО

Сорока-воровка.

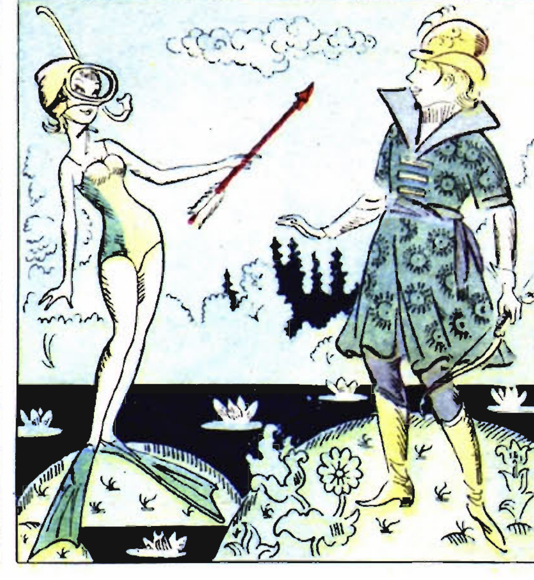

На лису.

— Как кстати, у нас тара кончилась!

Царевна-лягушка.

Будуар на Элькенбахштрассе

Шуба-1 не любил задерживаться в Зоссенхайме. Казенные бараки и бродившие по лагерю угрюмые солидаристы вызывали в нем чувство брезгливости. Сын царского полковника, польский шляхтич Жура Островский, впоследствии принявший фамилию Романов, тяготел к роскоши. Деловые встречи он проводил в уютном ресторане фешенебельного отеля «Рекс». Но чаще всего Шуба-1, сев в «мерседес», спешил через весь город в свою собственную квартиру на Элькенбахштрассе.

Здесь Жура преображался. Он вешал в гардероб свой модный костюм из английской шерсти и проходил прямо в спальню. Эта комната была выдержана в розовых тонах и своим убранством напоминала не столько жилище старого холостяка, сколько будуар модницы XVII века. Порывшись в шифоньере, Шуба-1 облачался в шелковый домашний халат, несколько напоминавший дамский пеньюар, и, пододвинув атласный пуфик, располагался перед зеркалом.

Шуба-1 внимательно рассматривал на своем лице каждый прыщик, растирал кремом морщинки под глазами и с помощью пинцета приводил в порядок брови. Иногда, в особых случаях, Жура слегка подкрашивал губы, отдавая предпочтение перламутровой помаде фирмы «Коти».

Если во время этого занятия раздавался телефонный звонок, Шуба-1 поднимал трубку и томно, по-женски произносил:

— Я слушаю!.. Да, это я, Матильда!

Матильда — это было интимное имя Шубы-1, которое, как и номер стоявшего в розовой спальне телефона, знали далеко не многие. Так его называли только очень близкие друзья, которых Романов не любил особенно афишировать. Среди них был даже один американский генерал, который однажды в память о своем визите преподнес хозяину дома изящный перстень с редким голубым камушком. И хотя перстень был дамский, Жура так дорожил вниманием высокопоставленного янки, что никогда не расставался с этим украшением и постоянно носил его на среднем пальце...

Этот рождественский вечер Матильда проводил в обществе своего ближайшего сподвижника по солидаризму Александра Артемова (Зайцева). Предоставив гостя на некоторое время самому себе, Матильда порхал по квартире, позвякивая рюмочками и столовыми принадлежностями. Из кухни доносился аромат жареного гуся с яблоками, собственноручно приготовленного Матильдой.

Через некоторое время Матильда выкатил сервированный на двоих столик на колесиках, в центре которого возвышалось серебряное ведерко с торчавшей из него бутылкой шампанского.

Интимный ужин был внезапно прерван резким звонком в передней. Романов на цыпочках подошел к двери и посмотрел в глазок. На лестничной площадке стояли взъерошенные Поремский, Околович и Ширинкина.

— Кто там? — не доверяя собственным глазам, спросил Романов.

Окончание. Начало см. в 8—9-м номерах.

— Мы! — послышался в ответ голос Поремского.

Романов лихорадочно сорвал с себя шелковый халатик и, поспешно стирая с губ помаду, принялся натягивать первый попавшийся под руки пиджак.

— Пароль? — стараясь оттянуть время, потребовал он.

— Здесь проживает фрау Шмидт? — прошептал в замочную скважину Околович.

— Фрау Шмидт переехала в соседний дом,— ответил Романов,— но здесь осталась ее племянница... Входите!

Увидев на лице Романова следы губной помады, Ширинкина не преминула пустить шпильку:

— О, простите! — воскликнула она.— У вас, кажется, дама?

Не ожидавший встречи со своими собратьями Артемов (Зайцев) заметался по квартире в поисках убежища. Но было уже поздно.

— Мы... тут как раз с Александром Николаевичем кое-что обсуждали,— неуверенно попытался объяснить присутствие Артемова Романов.— Так что вы как раз кстати...

Поремский и Околович, перебивая друг друга, рассказали о загадочном происшествии, случившемся в разгар бала в ресторане «Мазурка».

То, что исчез именно Скорина, Матильду особенно озадачило. Если уж на то пошло, то объектом похищения скорее всего должен был стать он, Шуба-1. Не исключено, что внимание к себе мог привлечь и старый служака «Интеллидженс сервис» Околович. На худой конец, похитители могли остановить свой выбор на «главном идеологе».

Но жалкий, ничтожный Скорина! Это было не только необъяснимо, но в какой-то мере даже обидно!

Рядовой солидарист Скорина считался самым неквалифицированным сотрудником и использовался для мелких поручений. У него не было не только постоянного угла, но даже постельных принадлежностей и собственной подушки. Единственным его имуществом было хорошо отполированное полено, которое он, ложась спать, клал под голову.

И вдруг человек, на которого все давно махнули рукой, похищен!

— Похищение я исключаю! — убежденно сказала Ширинкина.— А вот то, что этот тип был к нам внедрен и теперь сбежал, вполне может быть!

Надо было немедленно ехать в Зоссенхайм, чтобы на месте произвести тщательное расследование. Когда главари «Шубы» прибыли в лагерь, там все уже крепко спали. Романов приказал вахтеру немедленно поднять дружка Скорины — Чикарлеева. Но сделать это оказалось не так-то просто. Вдребезги пьяный солидарист что-то нечленораздельно мычал и отпихивал вахтера ногами.

Привести Чикарлеева в чувство удалось только с помощью ведра холодной воды. Но ничего ценного об исчезновении Скорины он сказать не мог. Чикарлеев сообщил только, что у Скорины есть подружка — горничная Гертруда из небольшого загородного отеля в Бад-Гомбурге.

Через несколько минут черный «мерседес» Романова, сопровождаемый стареньким, дребезжащим «фольксвагеном», в котором сидели разбуженные по тревоге телохранители, уже мчался по дороге в Бад-Гомбург.

В жилище Гертруды ночные гости ввалились бесцеремонно вместе со своими телохранителями.

Полусонная горничная, застенчиво перебирая пуговки на ночном халатике, стала уверять, что никаких солидаристов никогда не знала и знать не желает. Если же господа имеют в виду того русского, который выдает себя за часового мастера, то она не видела его уже больше трех недель.

Вся компания направилась к выходу. Но перед тем, как распрощаться с Гертрудой, многоопытный служака английской разведки Околович подошел к кровати и как бы невзначай потянул за край перины. Перина сползла на пол, и взору присутствующих предстал свернувшийся калачиком сладко спящий Скорина.

— В чем дело? — недовольно забормотал Скорина.— Где это я?

Прямо из теплой постели Скорина был доставлен в Зоссенхайм и за нарушение дисциплины водворен на пятнадцать суток в холодный карцер.

Положив под голову свое отполированное полено, рядовой Скорина продолжил прерванный сон.

Неудавшийся референдум

Ответственнейшая акция началась в Москве, в 18 часов 10 минут, в стеклянном вестибюле дома № 14 по Бумажному проезду. В перечне заданий мадам Ары она значилась под номером четыре и была сформулирована следующим образом:

«Провести всенародный референдум о государственном переустройстве в СССР (парламентарная республика или конституционная монархия)».

Итак, в 18 часов 10 минут, окончив свой обычный рабочий день, мы спустились в вестибюль, натянули пальто и, как обычно, попрощались с вахтером.

— Доброго здоровья! — сказал вахтер.

— Кстати,— вдруг спохватился один из нас,— вот вы здесь дежурите...

— А то как же! — с достоинством подтвердил вахтер.— Через два дня на третий! По графику!

— Так-так,— сказали мы,— а не задумывались ли вы над тем, что вам больше по душе — парламентарная республика или конституционная монархия?

— Это вы что, про царя, что ли? — прыснул вахтер.— Ну и шутники! Вас, фельетонистов, только послушай!

Было очевидно, что вахтер не склонен воспринимать выдвинутую нами проблему всерьез. Мы подняли воротники и вышли на улицу. У стоянки маршрутного такси выстроилась очередь.

— Граждане пассажиры! — без всяких околичностей начал один из нас.— Мы проводим референдум о государственном переустройстве!

— Давайте говорить прямо! — подхватил второй.— Вы за что? За парламентарную республику или за конституционную монархию?

Стоявший в хвосте очереди немолодой мужчина в фетровых ботах и с пышными усами сделал шаг в нашу сторону и, придерживая очки, принялся нас внимательно разглядывать. Вполне возможно, что он собирался высказать свое мнение по затронутому вопросу. Но тут как раз подошел маршрутный «Рафик», и очередь устремилась к автобусу. Мы ухватили гражданина за рукав.

— Вы чего привязываетесь! — рявкнул усатый.— Хулиганье!

— На вид как будто приличные люди,— добавила дама в синтетической шубе под леопарда.— А водкой от них так и разит! В вытрезвитель бы этих парламентариев! Вместе с их монархией!

Не успели мы и глазом моргнуть, как уже сидели в милицейском мотоцикле с коляской. По дороге, чтобы не терять времени понапрасну, мы продолжили референдум.

— Хорошо, хорошо,— сказал водитель,— на месте разберемся. Там будет вам и монархия и холодный душ!

Вытрезвитель оказался довольно уютным учреждением. На окнах висели занавесочки, а весь обслуживающий персонал был облачен в белоснежные халаты. Симпатичная медсестра предупредительно усадила нас в кресла-коляски и подкатила к столу, за которым сидел суровый медик в высоком белом колпаке.

Он вручил нам по стеклянной, напоминающей сигарету трубочке и приказал:

— Дуйте!

Вскоре медик отобрал у нас трубочки.

— Проба Шинкаренко отрицательная,— негромко сообщил он сестре,— признаков опьянения нет. Вероятно, случай более трудный, чем можно было предположить.

Сестра развернула кресла на колесиках так, чтобы мы сидели лицом к свету, и суровый медик начал нас пристально изучать.

— Так что вас беспокоит, уважаемые? — ласково заговорил он.— Какая там у вас монархия?

Мы выложили все, как на духу.

— Значит, вы выполняете задание «Шубы»,— уточнил медик.— Очень хорошо! А чертики у вас перед глазами не прыгают?

От чертей мы тут же открестились.

— Так, так,— сказал врач, записывая что-то в карточку.— Тогда, быть может, кто-то из вас Наполеон, а кто-то Жозефина?

— Нет, нет! — стали уверять мы.— Это в самом начале мы хотели назваться Антонием и Клеопатрой. А сейчас мы оба Ягуары!

— Ах, ягуары! — радостно воскликнул врач, бросив победоносный взгляд на миловидную медсестру.— Так ведь это же великолепно! Типичнейший случай! Ягуары! А?!

Наше пребывание в медицинском учреждении грозило несколько затянуться. Но, к счастью, наш оперативный штаб не дремал. Глубокие раздумья сурового медика были внезапно прерваны стуком в дверь, вслед за которым на пороге появилась сотрудница «оперативного отдела» Мария Кирилловна.

Как только врачу стало известно, что мы состоим на службе у сатиры, он сразу заволновался:

— Юмор я, конечно, понимаю,— с упреком сказал он.— Но разве так шутят? Загнули про какую-то монархию! Ярко выраженный признак параноидной шизофрении! Такими вещами шутить нельзя!

Мы с облегчением сели в ожидавшую нас у подъезда штабную машину и отправились по домам.

А в это время наши «шефы» во Франкфурте-на-Майне докладывали мистеру Смиту на его конспиративной квартире в отеле «Рекс» о нашей подпольной «молекуле».

— Это широко разветвленная и хорошо вооруженная организация,— говорил Шуба-1.— Во главе с популярным среди молодежи студенческим вожаком!

— О'кэй! — кивал головой американец.

— Нам впервые удалось создать целый оперативный штаб! — захлебывался шеф закрытого сектора.— Организация имеет доступ к военным документам и располагает данными о потенциальных союзниках и возможных противниках России в будущей войне! В частности, о Турции.

— О'кэй! — кивал головой американец.

— Но согласитесь, мистер Смит, что без денег...

Как только речь заходила о деньгах, в душе деловитого янки просыпались те же сомнения, что и у распорядителя финансов «Шубы» бухгалтера Вернгофа.

— Как вы назвали эту вашу акцию? — попросил напомнить он.

— Акция «Семинарист»! — веско произнес Романов.

Мистер Смит скорчил брезгливую гримасу.

— Незагадочно и неэффектно,— сказал он.— И вообще все ваши акции как две капли воды похожи одна на другую. «Семинарист», «Епископ», «Иеромонах»... Не хватает еще только «Паникадила»!

Смит уставился на Романова пристальным взглядом. Матильда принялся нервно вертеть на пальце памятный перстень, преподнесенный ему американским генералом.

— Кодовое название акции,— тут янки сделал эффектный жест,— в ваших руках.

— Простите,— смутился Романов,— не понимаю намека!

— Перстень! — сказал янки.

Так акция «Семинарист» получила свое второе крещение. Отныне она была делом не только «Шубы», но и ее хозяев. В картотеке франкфуртского «Общества друзей русской свободы» появился новый агентурный формуляр.

Однако, планируя акцию под новым кодовым названием, участники встречи в отеле «Рекс» не знали, что эта акция была уже завершена. Ее последним этапом был референдум о государственном переустройстве, закончившийся для нас вояжем в вытрезвитель.

Теперь нам оставалось лишь взяться за перья и подвести итог.

Содержимое бандероли, полученной Ягуаром-101 и Ягуаром-102 от мадам Ары Ширинкиной.

Несколько писем с тайнописью, присланных НТС из Франкфурта-на-Майне.

Made in USA

В старинном городе Франкфурте-на-Майне немало достопримечательностей. Пять монументальных мостов, повисших над полноводным Майном, три древние пороховые башни, вокруг которых постоянно толпятся любознательные туристы, знаменитое франкфуртское пиво...

Но нам лично не повезло.

Вместо того, чтобы поведать читателю о достопримечательностях этого старинного города, мы вынуждены вести рассказ о нескольких невзрачных строениях, «погранполосе» и пожарном бассейне. В столь убогих декорациях подвизается кучка жалких отщепенцев, подрядившихся добывать шпионские сведения о нашей стране и вербовать агентуру для ЦРУ.

Что касается сведений, то тут они еще кое-как выкручиваются с помощью обыкновенных ножниц. Каждое утро в Зоссенхайме начинается с того, что солидаристы вооружаются портновским инструментом и начинают кромсать свежие советские газеты. Полуфабрикат в виде газетных вырезок передается в «закрытый сектор», где у горячей энтээсовской плиты в поте лица трудятся мастера антисоветской стряпни. Они разделывают факты, сдабривают их изрядной долей клеветы, подсыпают инсинуации, разбавляют несусветными небылицами, приперчивают собственной злобой — и наваристая похлебка готова.

Шуба-1 берет котелок с этим фирменным блюдом и спешит в «Общество американских друзей русской свободы» для натурального обмена на мясные консервы, сыр в банках и клетчатые пиджаки. А в это время другие «шубы» несут тот же товар по другим разведывательным адресам.

Прижимистые янки, прежде чем раскошелиться, хотят убедиться в достоверности полученных сведений. Какой-нибудь клерк звонит своему коллеге в местную разведку. Но там в это время уже сидит Поремский или Околович и угощает герра соседа той же самой похлебкой из такого же точно котелка. Та-

ким образом доставленные «Шубой» «факты» находят полное подтверждение.

— О'кэй! — довольно восклицает американец.

— Ауфвидерзейн! — говорит коллега.

Зато с вербовкой агентуры все обстоит куда хуже. Тут, как говорится, дело швах!

Правда, однажды удалось вступить в контакт с одним из советских туристов. Гость внимательно изучал одну из трех франкфуртских пороховых башен.

— Есть нелегальные листовки,— шепнул ему вышедший на операцию солидарист.

— Давай! — сразу отозвался турист.

— Есть еще! — обрадовался агент «Шубы».

— Давай! — сказал турист.

Когда гость повторил просьбу в третий раз, солидарист для убедительности вывернул потайные карманы и сказал:

— Все! Больше нет!

— Жаль,— сказал турист и, изорвав на клочки солидаристские творения, швырнул их в урну.

Но если вербовка агентов не удается, то надо создавать видимость, что единомышленников у НТС хоть отбавляй. Раздобыв с помощью любых ухищрений какой-нибудь адрес, главари НТС вступают с советскими гражданами в переписку под видом филателистов, собирателей видовых открыток и любителей изящной словесности.

Попутно с увлечением почтовыми миниатюрами они стараются обогатить себя всесторонними познаниями о нашей стране, распространяя свою ненасытную любознательность на государственные и военные секреты. В конце концов этот обмен любезностями заканчивается прозрачным намеком, английской фразой и горячим утюгом.

На утюге контакт обычно обрывается. Но «Шуба» продолжает докладывать своим хозяевам об успешной реализации какой-нибудь акции «Дьякон» или «Мирянин».

Если филателист из Рязани или Кургана довольно быстро распознает солидаристскую провокацию, то какой-нибудь легковерный иностранец, отправляющийся в туристский вояж по СССР, глядишь, и клюнет. Посмотрит на казанскую сироту в клетчатом пиджаке, расчувствуется и согласится опустить в какой-нибудь почтовый ящик весточку его «двоюродному брату».

Но встречаются и такие, которые за приличный куш едут в чужую страну с явно враждебными намерениями. Именно с таким намерением приехали к нам небезызвестные учитель английского колледжа Джеральд Брук и студент Гейдельбергского университета Шаффхаузер. Едва ступив на нашу землю, они принялись сеять ядовитые семена антисоветизма. Однако им тут же довелось убедиться, что на всходы рассчитывать не приходится. Крепко убедиться!

О людях, обосновавшихся в Зоссенхайме, в самом Франкфурте почти никто ничего не знает. Все, что здесь происходит, надежно скрыто от постороннего взгляда высокой глухой оградой. По ночам оттуда доносится лай сторожевых псов, истошные крики и отрывистые команды.

Но эта подзаборная возня — секрет далеко не для всех. Боннское правительство прекрасно осведомлено, кого оно приютило под своим гостеприимным крылышком.

В свое время НТС немало потрудился на гитлеровскую армейскую разведслужбу «Абвер», да и боннская тайная служба иной раз не гнушается его услугами.

Деловые американцы любят хорошо поставленную рекламу. Они никогда не упускают случая поставить свою метку на том или ином изделии, дабы подчеркнуть, что оно сделано в Америке. Мы соприкасались с копиркой для тайнописи, получали недвусмысленные инструкции, видели антисоветские издания. Все это предназначено для подрывной деятельности и шпионских целей. Но ни на одном предмете не было фирменного клейма. Хотя здесь-то как раз и уместно было поставить столь дорогие американскому бизнесу три слова: «Made in USA».

Три звонка на Запад

Солидаристы, вступая в игру, всякий раз стремятся обеспечить за собой преимущество. Оно заключается в том, что им известно подлинное имя своего адресата, а адресат, думая, что он переписывается с каким-то Левиным или Липпертом, на самом деле пребывает в глубоком заблуждении.

В данном случае все было наоборот. «Шуба» полагала, что она ведет успешную работу со своей «молекулой», а в действительности она исправно поставляла материал сатирическому журналу.

Когда этих материалов накопилось вполне достаточно для документального репортажа, мы решили преподнести нашим «шефам» из Зоссенхайма небольшой сюрприз. Во-первых, рассеять их заблуждение насчет московской «молекулы». И, во-вторых, предоставить им возможность изложить свои взгляды открыто, не прибегая к тайнописи.

Мы вызвали по международной телефонной связи Франкфурт-на-Майне и соединились с квартирой главаря «Шубы» Романова. В трубке послышался испуганный голос, который с одинаковым успехом мог принадлежать как мужчине, так и женщине.

— Вам кого?

— Мы хотели бы поговорить...

— Его нет дома...

— Простите, а вы кто?

— Я?.. Это неважно... А в чем дело?

— Это из редакции два корреспондента!

— Позвоните завтра... в десять утра... Но я ничего не обещаю...

— Простите, а с кем мы говорим?

Наступила пауза. Потом на другом конце провода кто-то по-мужски кашлянул, и в трубке неожиданно прозвучал баритон:

— Называйте меня... Ольга Ивановна.

Но на другой день в условленное время квартира Матильды не ответила. Не то Шуба-1 не брал телефонную трубку, не то он со своим тюфяком срочно перебазировался в Зоссенхайм. Нам не оставалось ничего другого, как позвонить в штаб-квартиру.

У телефона оказалась активный член организации Ирина Перекрестова. Услышав, что вызывает Москва, она поспешила объявить себя рядовой телефонисткой и заявила, что ни на какие вопросы отвечать не уполномочена.

После повторного звонка к аппарату подошел один из завсегдатаев будуара Матильды, Артемов (Зайцев).

— Это Индокитай? — радостно воскликнул он.

— Нет, Москва!

В трубке послышалось напряженное сопение. Судя по отдельным доносившимся с противоположного конца провода приглушенным голосам, у аппарата шло лихорадочное совещание.

— Так это не Индокитай? — упавшим голосом переспросил Артемов.

После памятного рождественского бала в ресторане «Мазурка», на котором солидарист Чикарлеев свое пребывание в Индокитае выдвинул в качестве алиби, все члены организации грезили об этой земле обетованной.

— Да нет же. Это Москва! Нельзя ли пригласить к телефону Романова?

— Ого!

— Так можно или нельзя?

— Романова нет... Я за него!

— Скажите, на какие средства существует ваша контора?

— ?!.

— Так на какие же все-таки?

— Видите ли, мы не склонны вести разговоры по телефону. Тем более с «Крокодилом»...

Нам казалось, что как члены одной из «молекул» мы имели право быть в курсе финансовых дел организации. Но Артемов о наших связях с НТС, по-видимому, ничего не знал. Поэтому мы решили представиться.

— Вы знаете Липперта? — спросили мы.— Алекса Липперта? Это наш шеф. А мы Ягуар-101 и Ягуар-102!

— Кого, кого?

— Алекса Липперта?.. Лип-пер-та!

Тут, видимо, до абонента дошел смысл нашего звонка.

— Липперт? Впервые слышу! — поспешил отмежеваться от своего коммивояжера дружок Матильды.— Это что?..

И тут у Артемова не выдержали нервы. Он принялся истерически рифмовать фамилию Липперт с названиями венерических болезней, которые, как правило, вслух не произносят. Пришлось повесить трубку.

Выслушав слугу, мы были обязаны выслушать и его хозяев.

— **Hallo! CIA?**

— **Yes!**

Это был Вашингтон. Голос Центрального разведывательного управления США.

МОСКВА. Говорят из журнала «Крокодил». Мы хотели бы поговорить с кем-нибудь из отдела кадров или из отдела русской эмиграции.

ВАШИНГТОН. Один момент... (пауза).

ВАШИНГТОН. Алло!.. Это Хэлби.

МОСКВА. С кем мы говорим?

ВАШИНГТОН. Это дежурный офицер безопасности.

МОСКВА. Нас интересует организация НТС и люди, которые с ней связаны.

ВАШИНГТОН. НТС? По буквам!..

МОСКВА. (Диктуем по буквам.)

ВАШИНГТОН. Угу. Видите ли, в данный момент здесь никого из этих людей нет... Может быть, я смогу ответить на ваш вопрос? Повторите его.

МОСКВА. (Повторяем вопрос.)

ВАШИНГТОН. Вы можете обождать одну минуту?.. (Пауза). Еще обождите...

МОСКВА. Хорошо.

ВАШИНГТОН. Кто именно говорит с нами?

МОСКВА. Сотрудники журнала «Крокодил».

ВАШИНГТОН. По буквам...

МОСКВА. (Называем по буквам.)

ВАШИНГТОН. О'кэй! Обождите еще. (Пауза). Я тут переговорил кое с кем из одного нашего отдела, и их служба безопасности считает, что по затронутому вопросу вам нужно обратиться непосредственно к американскому посольству в Москве.

МОСКВА. Так вам сказали?

ВАШИНГТОН. Да.

МОСКВА. Итак, вы не хотите ничего сказать по этому вопросу, не так ли?

ВАШИНГТОН. Да. Вы должны обратиться в американское посольство у себя в Москве.

МОСКВА. Благодарим вас.

На что именно намекал офицер безопасности ЦРУ, мы так и не поняли. Не то в американском посольстве лучше осведомлены о деятельности НТС, не то он просто хотел от нас отбояриться...

Так или иначе, и хозяева и их слуги постарались уклониться от прямого разговора. Да это и понятно. Чего еще можно ожидать от людей, деятельность которых не терпит дневного света!

«ПЕРСОЛЬ» ПРИГЛАШАЕТ

Что такое «персоль»? Не спешите отвечать. В данном случае речь пойдет не о порошке, который продается в москательных магазинах.

Продраить с песочком зарвавшегося бюрократа, сособлить всевозможные пятна — пережитки прошлого, прокипятить как следует бракодела и разгильдяя... Такие услуги предлагает вниманию читательниц недавно открывшийся на страницах журнала «Работница» постоянный сатирический отдел «Персоль». Качество «проперсоливания» недостатков отделом гарантируется.

ЕСЛИ ВЫ ЛЮБИТЕ ЦИРК

Каждый знает, как трудно попасть в цирк, когда там выступают знаменитости. Попробуйте достать билет, если на манеже Карандаш, Олег Попов или Юрий Никулин! Если во втором отделении Ирина Бугримова, Маргарита Назарова, Владимир и Юрий Дуровы, Иван Рубан или Валентин Филатов со своими свирепыми, но послушными подопечными. Если сразу два волшебника — Игорь и Эмиль Кио, если Михаил Туганов и его прославленные джигиты...

Но коли вы не достали билета, не огорчайтесь. У вас есть возможность увидеть легендарных артистов. И даже сразу пятьдесят! Достаточно только купить книгу поэта Юрия Благова и художника Исаака Шмидта «Вокруг манежа», вышедшую в издательстве «Искусство», как в комнату к вам на своем неизменном ишаке (горзнак ИШ-4-2-1) въедет Акрам Юсупов — современный Насреддин, вбегут со штангой на плечах два Геннадия — Ротман и Маковский, степенно войдет Григорий Новак с двумя сыновьями... И комната ваша наполнится шуршанием канатов, скрипом лестниц, рыком царя зверей, звяканьем штанги и глухими ударами гирь...

И если вы не достали билетов на очередное представление, книжка эта вас утешит.

ПАРОДИИ

Светозар ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ

С ОЗНОБА

Хорошее слово: зазноба!
Пускай меня вечно знобит,
Как синие плечи сугроба,
Как влажный приморский гранит.

(Сергей **ОСТРОВОЙ** «Зазноба».)

Не гостем твоим однодневным
Пришел я с далекой Оби.
Зноби меня жаром душевным.
Секундою каждой зноби.

Чтоб жить не по горестным метам,
Чтоб ярче нам в песнях гореть,
Зноби меня счастьем. И светом.
Зноби меня нынче. И впредь.

И чтобы ни зависть, ни злоба
Тебе не чинили обид —
Возьми меня в сердце, зазноба,
И пусть меня
вечно
знобит.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Когда номер журнала уже находился в печати, выяснилось, что Светозар Первоапрельский ввел редакцию в заблуждение: вместо пародии он прислал нам подлинное стихотворение Сергея Островового «Зазноба», которое мы по недосмотру опубликовали. Крокодил выражает свое порицание тов. Первоапрельскому и приносит извинения читателям.

Ц. МЕЛАМЕД

НАДПИСИ

(Расул **ГАМЗАТОВ**)

НАДПИСЬ НА РЕМНЕ

Внушаешь детям важность ты
науки,
По совместительству
поддерживая брюки.

НАДПИСЬ НА СЕРДЦЕ

Я сердце подарил тебе мужчины,
Не требуй же еще автомашины.

НАДПИСЬ НА МЕНЮ

Мой друг, запомни навсегда:
Вино — твой друг, а враг — еда.

— Как остановится, звоните. Вышлем аварийную.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

Умирающий американский сенатор исповедуется:
— Я присваивал казенные деньги, окружал себя мошенниками и гангстерами, заставлял голодать престарелых и сирот. самым главным для меня были деньги и власть...
— Оставим, сын мой, политику и поговорим о твоих грехах!

●

— Моя собака спасла мне жизнь.
— Как это получилось?
— Я был болен, а она не дала врачу войти в дом.

●

Муж:— Ты говоришь, как идиотка!
Жена:— Я говорю так, чтобы ты мог меня понять!

●

Гость, не застав дома взрослых, начал разговаривать с ребенком:
— Сколько тебе лет, милый мальчик?
— Шесть лет дома, семь лет — в школе и четыре года — в автобусе.

●

Отец говорит сыну, показывающему дневник:
— Жаль, что в школе не ставят отметок за храбрость. Ты получил бы пятерку за то, что отваживаешься показывать мне такие отметки.

●

Маленький Петя:— Мама, а сказки всегда начинаются с «Однажды...»?
Мама:— Нет, милый, не всегда. Иногда они начинаются с «Дорогая, я немного задержусь на работе...»

●

Катя:— Как нехорошо ты поступила! Ты обещала, что не выдашь секрета, который я тебе рассказала.
Нюра: — Я не выдавала его. Я только обменяла его на другой.

●

Женщина звонит приятельнице:
— Ах, Мэри, я так расстроена! Вчера у меня были гости, и Билл начал рассказывать неприличную историю. Пришлось попросить его удалиться.
— Ну и хорошо сделала!
— Да, но, чтобы дослушать конец этой истории, с ним вместе ушли и все остальные гости.

●

Заведующий:
— Я заметил, Сидоров, что вы приходите на работу последним и уходите первым.
Сидоров:
— Не могу же я опаздывать и утром и вечером!

●

— Как видите, точно по проекту!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

НЕ В ХЛЕБЕ ЕДИНОМ

Как свидетельствует А. П. Чехов, еще в его времена некоторые любители хобби составляли неплохие коллекции из спичек, кусков шпагата и других полезных вещиц, извлеченных из хлеба насущного. А также из бубликов, бисквитов и пр.

Хотя с тех пор пищевая промышленность ушла далеко вперед по пути автоматизации и разведения герани в сияющих гигиеной цехах, удивительные ингредиенты в съедобных продуктах все еще нет-нет да попадаются. И нам уже доводилось писать об этом.

На какое-то время кампания по добыче хозпредметов из съедобных припасов поприутихла. Нам даже показалось, что труженики пищепрома дали своему начальству страшную клятву впредь не допускать. Но, к сожалению, мы ошиблись. И вот снова...

Гражданка П. Пирогова (г. Ставрополь) изъяла из коробки с хрустящими кукурузными палочками, изготовленными Тбилисским сахарным заводом, вовсе не хрустящую рукоятку от неизвестного агрегата.

Житель Брянска Л. Люболистов, посасывая конфету «Красный мак», сработанную на Гомельской кондитерской фабрике «Спартак», оцарапал язык о забавно скрученную проволоку.

В. Легенский из г. Александрия, Кировоградской области, выудил из банки с кальмарами, выпущенной «Дальрыбой», кусок хорошего радиопровода.

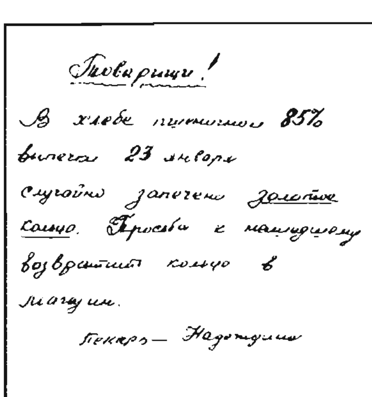
Лакомясь джемом абрикосовым высшего сорта производства Октемберянского консервного завода Армянской ССР, норильский сварщик А. Красненко неожиданно стал обладателем белой тряпочки, хотя, правда, и не высшего сорта.

А гражданке С. Гах из Владивостока, той и вовсе повезло. В банке сгущенного молока, выкатившейся из ворот Назаровского молочноконсервного комбината Красноярского края, она уловила кусок туалетного мыла, по запаху смахивающего на «Земляничное». Так или иначе, теперь уже не скажешь, что работники комбината погрязли в нечистоплотности...

Кажется, тут нас прерывают. Чудится, как сводный хор пищепромовцев с надрывом причитает:

— А может, мы от себя отрываем, чтобы широкого потребителя осчастливить! Тогда как?

И в самом деле... Помнится, года четыре назад наш читатель А. Удалых поделился радостью: из конфеты «Осенний сад» он выколупал копейку, которой ему как раз не хватало. А недавно жители камчатского села Крапивная с понятным интересом прочитали вывешенное на стене продмага объявление:

Товарищи!
В хлебе пшеничном 85% выпечки 23 января случайно запечено золотое кольцо. Просьба к нашедшему возвратить кольцо в магазин.
Пекарь — Надеждина

Вот видите! Уже и драгоценности можно на зуб попробовать. К тому же в порядке увлекательной игры, по принципу денежно-вещевой лотереи.

Так что не стоит придираться к инородным предметам в пищепродуктах очень уж въедливо. А если работники вкусной индустрии дружно последуют за пекарем Надеждиной, то можно даже пообещать им, что впредь мы будем помалкивать. Пусть они запекают — и не только в хлеб — побольше бриллиантов, изумрудов, сапфиров и рубинов, а мы будем тщательно жевать да время от времени сдавать ценности ювелиру.

И по рукам!

В. АЛЕКСАНДРОВ

«Имеются два случая опрокидывания с машинами. Это — от лихачества, хотя водители не раз заострялись по этому вопросу».

(Из заметки в стенгазете.)
Прислал С. Степанов,
г. Ставрополь

Объяснительная

«Я, Ткаченко В. А., 17 февраля, будучи на работе, оказался пьян. Причин много. Первая причина — это остался без плотницкого коллектива, из которого Вы ранее освободили меня из-за пьянки. И я столкнулся с такой работой, что и не хочешь, да напьешься».

Списал Н. Рудаков,
пос. Удачный, Якутской АССР

«За этот год мы получили 35 центнеров условного зерна с каждого почво-гектара».

(Из телепередачи.)
Прислал М. Купарев,
г. Новосибирск

«Брюки в пошив не принимаются, так как брючник будет отсутствовать 15 суток.
Администрация».

Доставил И. Иванов, г. Москва

Фото В. Мастепанова, г. Таганрог

тт. ЖИЛЬЦЫ! ВНОСИТЕ КВАРТПЛАТУ ЕЖЕМЕСЯЧНО И В СРОК.

Фото Л. Соколовой, г. Люберцы

РАБОТНИКИ ЖИЛУПРАВЛЕНИЯ №1 ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА СВОЕВРЕМЕННО ПРОИЗВОДИТЕ РЕМОНТ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Фото В. Погодина, Пинежский район, Архангельской области

«Иванов Коля учится в профтехучилище второй год. За время обучения показал себя способным мальчиком, учится на 4 и 5. В порядке общественной нагрузки ему поручено уничтожение двоечников в группе...»

(Из характеристики.)
Копию снял Ю. Кареев,
г. Котовск

«Спрашивают — отвечаем
Муж и жена работают на заводе, но в разных цехах. Могут ли им предоставить тарифный отпуск в одно время!
Могут, если совпадают графики на отпуск».

Многотиражная газета «Красный стекольщик»,
г. Никольск

«Август.
9-го. Ходил по грибы и гнал самогон — полдня.
11-го. Праздник «День строителя» — полдня.
12-го. Похмелка — день.
13-го. Болен после вина — день.
15-го. Стерег коров своих — день».

(Из объяснительной записки колхозника.)
Выписал В. Ульяхин,
Тульская область

СОБАКА — ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Рисунок С. СПАССКОГО

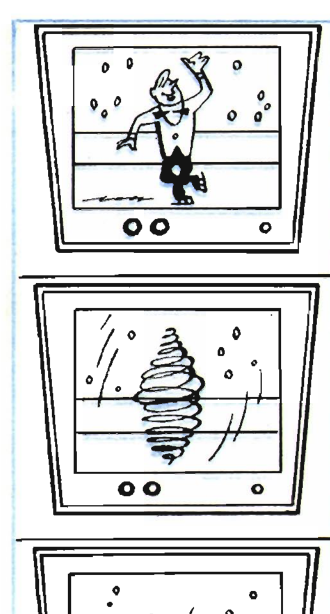
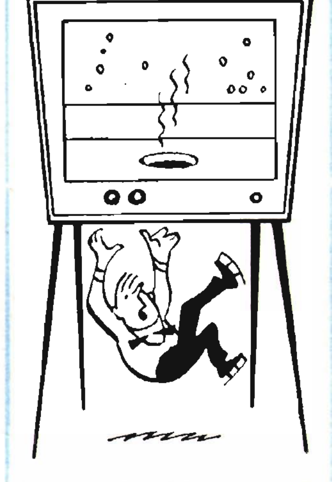

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

МИРМУХСИН

КРУТЯЩИЙСЯ ЛИСТОК

Он восседал на ветке важно.
Когда играл с ним ветерок,
он выглядел то как бумажный,
а то — как кожаный листок.
Он выхвалялся,
лез из кожи,
чтоб даже ночью,
в темноте
увидеть мог любой прохожий,
что он всегда на высоте.
И, говорят, один художник
у всех прохожих на виду
пред ним расставил свой
треножник
и рисовал его в саду.
И за границей видел кто-то,
как он висел,
тот желтый лист,
поскольку снять его на фото
успел какой-то интурист.
Но только слава мировая,
увы, прошла.
Всему свой срок.
И вслед ушедшему трамваю
его уносит ветерок.
И он летит, ветрам покорен.
А всем зевакам невдомек,
что под землей спит мощный
корень,
весной создавший тот листок.

Перевел с узбекского
А. НИКОЛАЕВ.

КРОКОДИЛ
№ 10 (1948)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, Ю. Узбяков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)

И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 20/III 1970 г. А 00037. Подписано к печати 30/III 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 750 000 экз. 1 завод: 1—4 178 750. Изд. № 644. Заказ № 864.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

АМЕРИКАНСКИЕ «КУВШИНКИ»

Рисунок Бор. ЕФИМОВА